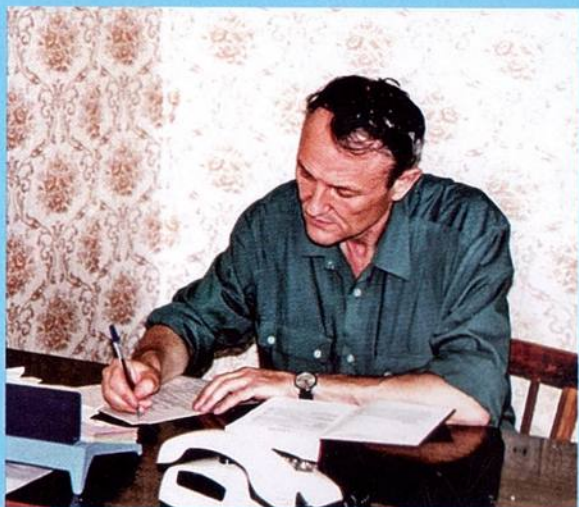

ПЛАТОВ

ЛЮБОВЬ К ДОРИЧЕСКОМУ ОРДЕРУ

Руководитель Новочеркасского городского отделения ВООПИК Владимир Николаевич Конюхов 40 лет работает в системе охраны объектов культурного наследия. Заслуженный работник культуры РФ. Прозаик, публицист, член Союза писателей России. Лауреат престижных литературных премий. Публиковался в «Роман-газете», «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Москва», «Дон», «Молодая гвардия», «Россияне» («Дружба»).

Автор книг «Зачем колоколу вырвали язык», «Земное небо», «Командантский час», «Глубокие броды», «Сияние снега», «На Цимлянском направлении» и других, изданных в Москве и Ростове-на-Дону.

Владимир Конюхов

ПЛАТОВ. ЛЮБОВЬ К ДОРИЧЕСКОМУ ОРДЕРУ

Сберегая наследие «вихорь-атамана».
Записки очевидца

Ростов-на-Дону
«Донской издательский дом»

2023

ББК 79.05+63.3(2Рос-4Рос)5-8Платов
К65

Конюхов Владимир Николаевич

К65 Платов. Любовь к дорическому ордеру / В. Н. Конюхов –
Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2023. – 72 с.
ISBN 978-5-904079-48-2

Историк и писатель Владимир Конюхов вслед за своими более ранними произведениями продолжает тему сохранения культурно-исторического наследия донского края. Теперь «гвоздь программы» – атаман Платов и то, что связано с именем прославленного героя. Небольшой по объёму материал привлекает неординарным подходом автора к известным и малоизвестным событиям, изложенным от первого лица.

ББК 79.05+63.3(2Рос-4Рос)5-8Платов

ISBN 978-5-904079-48-2

© Конюхов Н.В., 2023
© Донской издательский дом, 2023

2023

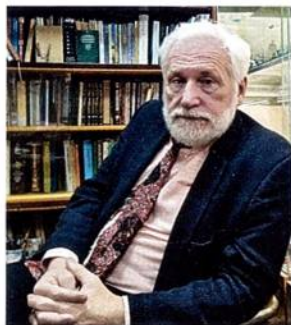
год атамана Платова на Дону

Платовский проспект. Новочеркасск. 1908 год

Диалог человека с историей всегда очень сложен. И здесь очень важна так называемая «поступковая личность», то есть личность, способная совершить поступок с большой буквы. Владимиру Конюхову, многолетнему руководителю Новочеркасского городского отделения ВООПиК, приходилось совершать такие поступки в жизни. И когда он боролся за сохранение культурно-исторического наследия, и когда творил за письменным столом, создавая произведения, не оставляющие читателя равнодушным.

Не стала исключением и эта небольшая, но ёмкая по содержанию книга, охватывающая большой временной промежуток. Произведение разбито на четыре новеллы. Каждая со своим сюжетом и своей историей. Но все они составляют единое целое в правдивом авторском изложении. И если драматическая история реставрации войскового Вознесенского собора в Новочеркасске хорошо известна, то восстановление геральдики на главной Триумфальной арке — факт малоизвестный. Очень важно, что в книге указаны причастные к этому событию, как и участвовавшие в воссоздании первого памятника М.И. Платову.

Восстановление разрушенной церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Малом Мишкине — вообще особый случай. Благодаря активности Общества охраны памятников, а также казачества церковь с усыпальницей Лазарева стала объектом пристального внимания, чтовилось толчком к появлению программы по восстановлению храмов на территории области. В книге не обойдены вниманием и ваятели, создававшие шедевры на каучью тематику. Сказано и о руководителях, работавших разное время на разных должностях. Важно и то, что в книге присутствует особый тон, свойственный творчеству писателя Владимира Николаевича Конюхова.

*Александр Кожин,
председатель Ростовского
регионального отделения ВООПиК*

СНЕГУРОЧКА

Ответственный секретарь Новочеркасского городского отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры Владимир Михайлович Александров в уже далёкий мартовский день 1988 года нетерпеливо дожидался важного сообщения. В ту весну горбачёвская гласность, особенно в преддверии 19-й Всесоюзной партийной конференции, стремительно набирала обороты. Каждый день приносил неожиданные новости из любого источника информации. Народ шалел от непривычных известий, особенно когда на голубом экране шёл «Прожектор перестройки» либо малопонятный для простого человека, но такой захватывающе-интересный «Взгляд».

Вот и сейчас я застал Владимира Михайловича, когда он вслед за «Огоньком» рассеянно перелистывал «Комсомолку». Тогда оба эти издания в киосках «Союзпечати» шли нарасхват. Состояние Владимира Михайловича я понимал. Хотя, как и он, ничуть не сомневался: слух о том, что Совмин РСФСР издал распоряжение о сооружении памятника Плотову в Новочеркасске — не «утка», учитывая кардинальные изменения в стране. Похожие изменения происходили и четверть века назад. Тогда, со слов Александрова, генералитет накануне 150-летия войны с Наполеоном всерьёз будировал вопрос о возвращении памятника Плотову в Новочеркасск. В Минобороны СССР это нашло должный

отклик. Но... Вмешались трагические события в Новочеркасске 2 июня 1962 года.

Переключив внимание на меня, Александров стал расспрашивать про статью о Виталии Закруткине, творчество которого высоко ценил. Приближалось 80-летие классика донской литературы. Большую по размерам статью я подготовил спустя полгода после кончины Виталия Александровича, но только на прошлой неделе, будучи в Москве, сдал материал в «Литературную Россию».

— Что его перед войной репрессировали, написал? Ему ведь 58-я статья светила. Или не рискнул? — Допытывался Александров.

Мне, которому даже теперь каждая публикация в столице в радость, важно было определить материал в еженедельник, с которым тесно сотрудничал с того времени, когда в нём появился мой рассказ с тёплым предисловием Виталия Закруткина... Забегая вперёд, скажу, что спустя 30 лет, в год 110-летия Закруткина, уже «Литературная газета» поместила ещё одну мою статью, где было сказано о тяжёлом периоде в жизни писателя-земляка.

Когда я с увлечением стал делиться впечатлениями о фильме «Холодное лето 53-го», на премьере которого успел побывать, Александрову наконец позвонили из Ростовского областного правления ВООПиК. В процессе разговора с начальством цвет лица Владимира Михайловича постепенно менялся, как, впрочем, и тембр голоса.

— Перестраховщики! — бросил он, встав из-за стола. — Есть мнение, а это мнение не столько центрального совета ВООПиК, сколько Минкультуры, что памятник Платову нужно восстановить в том виде и в тех пропорциях, что и раньше. Но где его устанавливать, будут решать местные власти с учётом пожеланий общест-
венности.

Владимир Михайлович, постепенно готовящий меня на своё место, откровенничал со мной по любому поводу, а уж такому серьёзному — тем более.

— Знаю я эти «общественные пожелания»! — Едко вымолвил он. — Тут теперь начнётся: Ленина трогать — не смей, да и с Платовым ветераны потребуют разобратся.

— «Графья» нам не нужны? — усмехнулся я.

Помолчав, Александров выразил твёрдое убеждение, что не одни только обращения горожан вынудили областное начальство обратиться в Москву по поводу памятника Платову.

— Если бы три года назад не восстановили геральдику на Триумфальной арке, никто в Ростове из-за Платова и не почесался бы!

Настолько уверенный в этом, Владимир Михайлович, прежде чем обзвонить остальных членов президиума городского отделения, связался не с кем-нибудь, а с Николаем Николаевичем Красулиным, имеющим прямое отношение к изготовлению знаков казачьей доблести для Триумфальной арки на бывшем Петербургском спуске.

В то время доцент Красулин возглавлял лабораторию восстановления и испытаний строительных конструкций стройфака НПИ. Именно сотрудники лаборатории провели успешные испытания лёгкого и атмосферно-устойчивого материала, который стали применять вместо обычного бетона. Сын Красулина Никита, усовершенствовав новый материал, уже использовал его во время ремонта лестничных ступеней, имеющих многочисленные сколы и выщерблины.

Когда же на совещании у ректора обсуждался вопрос о реставрации фасадов главного корпуса из-за многочисленных утрат капителей и других архитектурно-лепных деталей, Николай Николаевич предложил их

полимер, ссылаясь на уже приобретённый опыт. Ректор, ныне здравствующий Валентин Ефимович Шукшунов, прекрасно понимал: подъём тяжёлых бетонных деталей на высоту до 25 метров — труд не только затратный, но и опасный. И Шукшунов отдал приказ проводить реставрацию фасадов учебных корпусов, имеющих серьёзные утраты, с применением новых материалов.

Учитывая жёсткие сроки (приближалось 75-летие вуза), работы вели в прямом смысле от рассвета до заката. Красулин-младший, частенько заходя в наш «штаб», с воодушевлением рассказывал, что всеобщий энтузиазм захватил даже старейшего преподавателя кафедры архитектуры Куликова. Константин Иванович был известен в городе как автор проекта общежития, в котором многие годы располагалась студенческая поликлиника, и жилого дома, наречённого остряками Дворянским гнездом.

Спустя год в Крытом дворе НПИ проходила выставка-ярмарка газеты «Комсомольская правда». Реставрационные работы на корпусах вуза, выполненные с использованием, как сейчас бы сказали, новых технологий, вызвали большой интерес. Первый же отчёт газеты с места событий был посвящён изобретению Красулиных. А Никита, ничуть не робея, дал пространное интервью. Более того, незадолго до закрытия выставки в программе «Время» были упомянуты члены ВООПиК Красулины, а в передаче «Это вы можете!» прошёл сюжет с показом экспозиции, развёрнутой в лаборатории, возглавляемой Красулиным-старшим... Всё это не осталось незамеченным в городе.

В марте 1984-го начальник отдела культуры Данюшина пригласила наших героев на совещание по поводу воссоздания элементов геральдики на северной Триумфальной арке, являющейся, наряду с корпусами политехнического, памятником республиканского

значения. Автор проекта, ростовский архитектор Юрий Солнышкин на вопрос Данюшиной, можно ли наработки политехников использовать при изготовлении деталей геральдики, ответил быстрее Красулиных.

— Даже нужно, Анна Дмитриевна! Но при условии, что в дальнейшем изделия будут имитировать старую бронзу.

— Мы возьмёмся за эту работу, — взволнованно сказал Николай Николаевич. — В лабораторных условиях проведём эксперименты. Даю слово, поверхность отливок будет неотличима от настоящей бронзы.

Присутствующий на совещании представитель Ленинградской областной производственно-реставрационной мастерской тут же получил заказ на изготовление моделей и форм для отливки геральдики.

Туристы, приезжающие в Новочеркасск, всегда задают вопрос: «Почему в других городах одна Триумфальная арка, а в провинциальном Новочеркасске — аж две?». Ответ прост: ждали приезда царя, но откуда — с севера или с юга — он пожалует, было неизвестно. Поэтому и построили сразу две, совершенно одинаковые. Лично мне всё равно, какой из братьев Руска их проектировал, Луиджи или Алессандро. Правда, есть и другая версия — это творение народного умельца Василия Куликова, которого привечал Платов. Но сейчас это совсем неважно. Как говорят на Нижнем Дону, «чьи б бычки ни прыгали — телята наши»... Важно другое: почему атаман Платов настоял на аскетичном дорическом ордере, а не выбрал более изысканный архитектурный стиль? Но это автор так, в порядке отступления.

Вкратце производственная схема была такова: новочеркасцы везут в город Ломоносов под Ленинградом нужные материалы для отливки. Сами же отливают. Потом тем же транспортом, на котором ехали в Ленинград,

возвращаются в Новочеркасск с готовыми изделиями. Это было очень утомительно. К примеру, Никита Красулин, пробыв на берегу «хладных финских вод» около трёх месяцев, отлил всего три пушки из пенополимербетона (так называется новый материал). Не лучше обстояло дело и в следующий его приезд. Длительные поездки в Ломоносов совершала и Данюшина. Но даже и её настойчивость мало помогала.

И тут Анна Дмитриевна за неделю сделала то, что другие не смогли за годы: она добилась создания нового производства на базе центральных ремонтных мастерских. Теперь питерские и местные специалисты не ютились в полуразрушенной немецкой кирхе, а трудились в пригодных для работы помещениях Новочеркасского реставрационного участка.

Работа под неусыпным контролем Анны Данюшиной и Юрия Солнышкина, проводившего авторский надзор, продолжалась зиму и весну 1985 года. Не всё шло гладко и не всё получалось. Мешали и обстоятельства, не связанные с технологией производства. Тогда оперативно подключался заместитель председателя горисполкома Н.Н. Чайковский.

«То, что не могла решить на своём уровне Анна Дмитриевна, оперативно разрешал Николай Николаевич, — вспоминал Никита Красулин. — Было так, что без его личного участия и поддержки ничего не получалось. Не забуду, как он организовал прохождение транспорта с готовыми отливками от мастерских до Триумфальной арки по всей улице Ленина».

«По главной улице с оркестром»... Ну, пусть и без оркестра. Зато медленной скоростью по центральной улице Новочеркасска, на грузовике с открытыми бортами с высоко поднятыми двуглавыми орлами на штандартах Александра I... На календаре было лето. Но лето 1985 года. Шёл, условно говоря, только пятый месяц

перестройки. И всё могло повернуться так, что геральдику, как когда-то, скovyрнули бы в один миг.

Я видел, какое было изумление на лицах проезжавших мимо водителей, когда на арку поднимали царские знамёна, бунчуки и прочую воинскую атрибутику.

Через 14 лет на этой арке снова Красулины восстанавливали надписи, прославляющие императора Александра Павловича, Благословенного. Того самого, который восхищался храбростью донских казаков под командованием войскового атамана Матвея Платова.

...Анна Дмитриевна Данюшина, имея диплом историка, закончила и музыкальное училище по классу фортепиано. После работы в отделе культуры давала уроки музыки в школе и там же вела драматический кружок. Жизнь её оборвалась внезапно... Анну Дмитриевну восхищала музыка Римского-Корсакова, особенно в опере «Снегурочка». По существу, она была такой же Снегурочкой, растаявшей над пламенем житейских забот, оставив о себе добрую и светлую память...

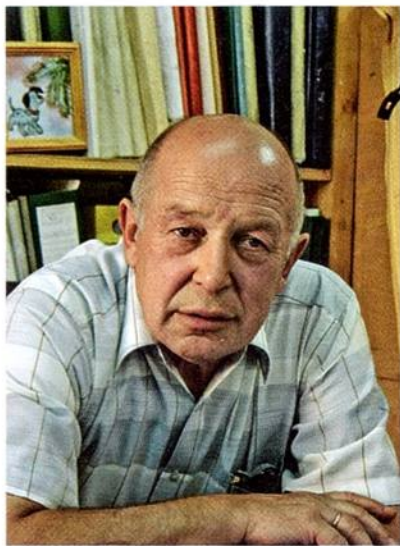
Анна Дмитриевна Данюшина

Николай Николаевич Чайковский

Николай Николаевич Красулин

Юрий Николаевич Солнышкин

Никита Николаевич Красулин

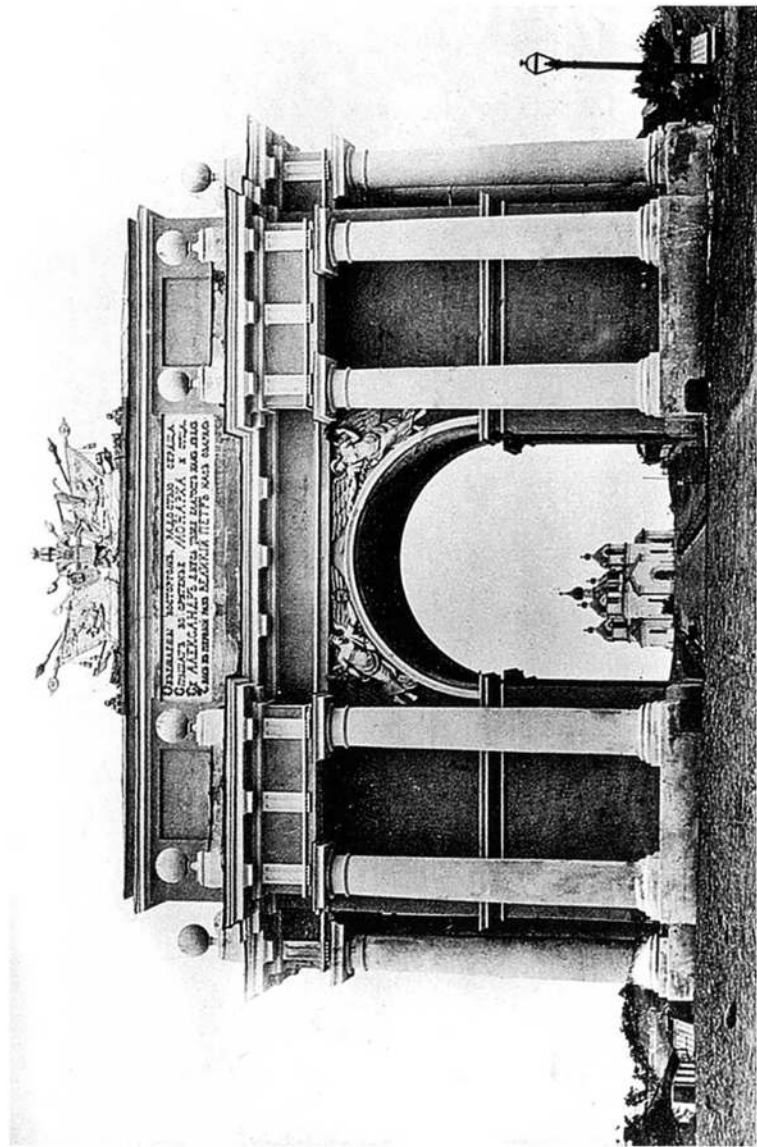
Фрагмент геральдики

Установка элементов геральдики

Геральдика в сборе на современной Триумфальной арке

Новочеркасск. Конец XIX столетия.

В створе северной Триумфальной арки — Троицкая церковь (уничтожена в начале 30-х годов XX века) ;

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Александров как в воду глядел. Целый рой обращений посыпался в горисполком и нашу организацию. Кто только и где только ни предлагал установить памятник атаману Платову! И самое главное — в каком виде. Всех переплюнул один знатный монтажник, предложивший изобразить Платова с рубанком и мастерком в руках. Логика здесь была железная: раз под руководством Платова город строился с нуля, то изобразить генерала от кавалерии надо с ходовым в ту пору инструментом.

Больше всего споров возникало из-за Владимира Ильича. Многие члены партии, во всяком случае, на тот момент (конец 80-х), высказывались за то, чтобы памятник Ленину остался на прежнем месте, то есть продолжал бы занимать постамент Платова. Но на расширенном заседании президиума городского отделения ВООПиК (а на нём присутствовали и руководители многих предприятий) все были единодушны: Платов должен занять своё законное место. Большинство горожан придерживалось такого же мнения.

Как обычно, при горисполкоме сформировали рабочую группу. Председателем её стал всё тот же Н.Н. Чайковский, которого впоследствии сменил Д.В. Миньков. От нашей организации в самый первый состав группы, кроме В.М. Александрова, вошли: О.Н. Лобов, В.Г. Величко, В.И. Кулишов, И.Я. Кравченко. Чтобы быть

в курсе дел, мы уговорили Владимира Михайловича находиться в рабочей группе на постоянной основе, по возможности документируя происходящее.

«То ли дело было на Триумфальной арке! — вспоминали мы с Александровым. — Получили проект, заказчик определил исполнителя, составил с ним договор — всё, работаем!». Здесь же переливали из пустого в порожнее почти три года. Скорее всего, это не заняло бы столько времени, если бы не позиция Минкульта РСФСР, проталкивающая скульпторов Ковальчуков из Москвы. Те предложили заведомо непроходной вариант — облик Платова с изменениями и установка его совсем в другом месте. Естественно, проект Ковальчуков отвергли, что стало поводом для нового всплеска «дебатов».

Денежные поступления от граждан шли на специальный счёт. Благодаря наглядной агитации счёт 700720 в Новочеркасском отделении Жилсоцбанка был на слуху почти в каждой семье. После того как мы нашли средства на дополнительный тираж плакатов, агитации стало ещё больше. Но собранных на памятник денег всё равно не хватало.

После событий августа 91-го пустопорожние разговоры прекратились как по мановению волшебной палочки. Теперь, слава богу, возникли вопросы чисто технического характера. Так, скульптор А.В. Тарасенко из Суриковского училища, которому после строгого отбора претендентов было доверено изготовление фигуры вихорь-атамана, обратил внимание, что для работы ему необходимы размеры верхней площадки пьедестала. А их можно узнать, лишь сняв Ленина с постамента. Значит, надо искать пристанище для Ильича. В любом случае рано или поздно заниматься этим пришлось бы. И чем скорее, тем лучше. Поэтому на заседании рабочей группы я сам себя и предложил.

Между тем 1992-й начался с казуса. С новогодним обращением выступил не глава государства, а юморист Задорнов (хорошо ещё, что не Михаил Пуговкин!). Напрасно некоторые хотели в этом усмотреть какой-то знак — дескать, станем больше смеяться. Однако в наступившем году многим было не до смеха. Предприятия лихорадило, начались так называемые «веерные отключения света», безудержно росли цены — иногда дважды в течение дня на один и тот же товар. Работал с перебоями и Мытищинский завод художественного литья, куда из Новочеркасска пришёл столь ценный заказ.

Я же продолжал заниматься новым постаментом для Ленина. Место ему отвели на посёлке перед ДК завода синтетических продуктов. Прежний постамент, державший на себе гипсовый бюст Ильича, для чугунного собрата был слишком мал. Поэтому почти всё лето ушло на возведение более массивного пьедестала. Когда его облицевали, я доложил мэру города Н.И. Присяжнюку: скульптуру Ленина надо снимать и перевозить на новое место. Николай Иванович молча выслушал, озабоченный другим: тяготы жизни изменили настроения людей, а тут ещё пошёл гулять слухок: Ленина специально хотят по-тихому снять и куда-то сплавить, мол, он напоминает начальству о якобы беззаботной прежде жизни.

Утром 14 ноября причастных к демонтажу памятника одолевала тревога. Была суббота, и поглазеть на необычное действие собралось немало зевак. Кучка хмурого вида мужиков недобро поглядывала на кран и суетившихся возле него рабочих в спецодежде. Вдруг возле памятника оказался человек с пластмассовым ведром. Оно было пустым, и человек держал его как лукошко. Последовал короткий и ожидаемый спич: «Живём все хуже, а власти сводят счёты с тем, кого всегда любил

простой народ». Среди собравшихся волной пробежал ропот. Выступающий чуть подался вперёд, как бы приглашая кого-нибудь составить ему компанию. И действительно, рядом возник пожилой мужчина в коротком тёплом пальто и меховой, с торчащим козырьком, шапке. Хмурые мужики озадаченно переглянулись. «Новых» они не любили, но и «бывших» не жаловали. Ропот в толпе сразу стих.

Крановщик тотчас залез в свою кабинку, а двое его напарников прыгнули в люльку. Через пару минут вождь был опоясан толстыми канатами, и через полчаса уже висел на стропах. Скульптуру бережно поместили в кузов грузовика и, обложив шинами, накрыли брезентом.

Я подошёл ближе. Из-под серого брезента несуразно торчала рука Ильича. Я неотрывно смотрел на эту указующую длань, пытаюсь вспомнить, где её уже видел. И лишь когда тяжёлый грузовик, задымив, отъехал, я отчётливо вспомнил октябрь 61-го... Шёл очередной, *исторический*, съезд партии. Тот самый, где громили антипартийную группировку и постановили вынести Сталина из мавзолея. Вечерами взрослые во все глаза смотрели телевизор, а спозаранку те, что из продвинутых, спешили к газетным киоскам. Летом же 1988-го, когда проходила уже упомянутая выше 19-я Всесоюзная партконференция, за прессой выстраивались длинные очереди. Делегаты конференции заседали до позднего вечера. Поэтому газеты поступали в киоски после обеда, а не по утрам, как обычно. Нарасхват шли «Известия» — в них публиковался стенографический отчёт.

Но в 61-м меня, мальчика, политика не интересовала, хотя к разговорам старших я прислушивался. Пользуясь погожими днями, мы до темноты гоняли мяч на стадионе так называемых «куксов», где раньше располагался

казачий кадетский корпус. Сначала на поле выходили старшеклассники, а потом уже мы, малышня. Правило это соблюдалось неукоснительно. Но однажды старшие внезапно прервали игру и как один направились к выходу. Заинтересовавшись, мы тоже побежали за ними. Идти было недалеко — на проспект Жданова, именуемый в обиходе Баклановкой. Он вёл как к центру города, так и в Ростов, если следовать в противоположную сторону. На перекрёстке дежурили ОРУДовцы, по аллее прохаживались милиционеры. В этой части города я бывал очень редко, как и ребята из нашего двора. Поэтому мы жались к знакомым старшеклассникам.

— Смотри! — указал один из них. — Мильтоны забегают, значит, *дедушку* везут.

— Какого дедушку? — не мог понять я.

Через минуту со стороны Ростова показался милицкий «бобик». За ним следовал служебный автобус. Замыкали колонну дымящий длинномер и кремовая «Волга». Что было под брезентом на грузовике, разобрать было нельзя. Но я увидел большую, тёмного цвета, руку, направленную прямо на меня. Старшеклассник пояснил, что это новый памятник Ленину, и после съезда его водрузят вместо старого.

Я пристально смотрел вослед закрытому до поры от посторонних глаз Владимиру Ильичу, конечно, не зная, что спустя 30 лет буду заниматься сооружением для него нового постамента, и не где-нибудь в центре, а у чёрта на куличках, ругаться с каменщиками и плиточниками, яростно спорить с теми, кто возражал против возвращения улицам их прежних названий, и с теми, кто выступал против охранных обязательств на дома-памятники; спорить, дабы у жильцов не появилось соблазна срубить старинное кружево ворот или сбить столетнюю лепнину со стен и потолков. И, разумеется, не знал, что сам буду готовить постановление

мэра и стану ответственным за его исполнение, чтобы в Новочеркасске снова появился Баклановский проспект, где я тогда стоял, испуганно глаза по сторонам.

И сейчас, в ноябре 92-го, я тоже волновался. Волновался, чтобы Ленина довели благополучно, и чтобы он крепко стал на новом постаменте, уступив прежний законному владельцу.

Работа в Мытищах постепенно наладилась. И всё бы хорошо, но беспокоила финансовая сторона. Денег, что собрали всем миром, естественно, не хватало. Город и область обещали помочь. Но не сразу. А завод требовал наличку постоянно. Вот если какую-то долю отдать бартером — зря, что ли, селяне собрали неплохой урожай овощей? Однако картофель, бурак и морковка заводчан не заинтересовали. А если предложить лук? — вспомнил я ажиотаж в середине 70-х вокруг этой капризной культуры.

— Володя, займись сам, — настоятельно посоветовал Александров.

После моего избрания на его место он остался в организации консультантом, став незаменимым помощником. Я навёл справки. Опытное хозяйство одного из предприятий Новочеркасска готово предоставить лук в нужном количестве.

Помолившись про себя, набираю нужный номер. Собеседник в Мытищах не может понять, о чём идёт речь.

— «Боцман»! — повторяю я.

— Почему боцман? Я служил старшим матросом.

— Сорт лука такой, «боцман», — поясняю я. — Весь Тихоокеанский флот объедается им.

— Я служил на Балтике, про такой не слышал.

— Так на Дальнем Востоке начпрод расторопный, вчера, кстати, три вагона им отгрузили, — не моргнув я и глазом.

— Ла-а-адно, присылайте фуру, — вздыхает собеседник.

Через неделю-другую, когда и лук доставили по адресу, и город перечислил немного денег, на заводе приступили к самой ответственной фазе работ — отливке-формовке скульптуры Платова.

Во время всех этих передряг, связанных с памятником Платова, казачество, взявшее твёрдый курс на своё возрождение, сыграло очень важную роль. Позиция казаков никогда не менялась: памятник Платову не должен терять свой первозданный вид и находиться должен на своём историческом месте. Кроме того, казачество подняло вопрос о перезахоронении донских военачальников, погребённых в усыпальнице Новочеркасского Вознесенского собора. Могилы всех четверых героев Дона и Отчизны — М.И. Платова, Я.П. Бакланова, И.Е. Ефремова и В.В. Орлова-Денисова — в конце 20-х большевики разорили и залили слоем бетона. Уже в наше время казаки станицы Средней под началом своего атамана П.А. Барышникова, ставшего позже кошевым атаманом войска донского, подняли вопрос о вскрытии этих захоронений. Была создана специальная комиссия, которая, открыв усыпальницу, установила, что среди разрушенных могил найден сохранившийся прах. Спустя время комиссия отправила останки в Москву для проведения экспертизы.

Было решено произвести торжественное перезахоронение всех четверых вместе с архиепископом Иоанном, также покоящимся в усыпальнице храма. Перезахоронение обязательно провести в день, предшествующий открытию памятника атаману Платову.

...Богатый на события 1993-й был отмечен прежде всего апрельским референдумом (помните скороговорку «да-да-нет-да»?) и «чёрным октябрём», по иронии судьбы подарившим нам именно в день стрельбы

по Белому дому блеск золотой осени. Между этими двумя событиями было относительно спокойно. Не стал исключением и май месяц, на середину которого в Новочеркасске были намечены двухдневные торжества.

На эти дни планировали пригласить много гостей, в том числе представителей православной церкви, казаков, проживающих за рубежом. Но этим занимался оргкомитет. Нам же надлежало привести в порядок пьедестал Платова. На нём не только зияли дыры, но и была срублена надпись в честь лихого атамана. Когда из Мытищ доставили изваяние Матвея Ивановича, постамент под него был уже готов. Потом целых три дня (три!) шла подгонка постамента к скульптуре.

Когда наконец Платов встал на своё место, он на мгновение напомнил мне невесомую фигуру Пушкина у стен Русского музея. Творение М.К. Аникушина словно перекликалось с дерзновенным талантом мастеров прошлого столетия: П.К. Клодта, Н.А. Токарева, А.А. Иванова, решивших изваять Платова 140 лет назад. Под стать им и современный скульптор Александр Васильевич Тарасенко. Новочеркасцы не ошиблись, доверив ему воссоздание памятника полководцу, герою Отечественной войны 1812 года и основателю новой казачьей столицы. И вот **Платов снова вернулся** в Новочеркасск...

При подготовке к праздничным дням были задействованы все службы. Казалось, всё учтено. Особенно хлопотала начальник городского отдела культуры В.С. Шевченко. Невероятный случай, который тогда произошёл со мной, был непосредственно связан с Валентиной Семёновной. Насколько помню, я решал какие-то вопросы в училище связи. Вдруг звонок. Валентина Семёновна просит срочно подойти к худруку

театра Леониду Шатохину. Прихожу. В коридоре театра мается растерянный Леонид Иванович. Заходим в его кабинет. Валентина Семёновна сразу с места в карьер: под гробы, которые будут установлены на артиллерийские лафеты, нужны деревянные каркасы. Про них в суматохе забыли. А сейчас лес или негде взять, или предлагают втридорога. А деньги до копейки распределены на другие нужды. Выход один: ехать на лесоторговую базу и договариваться, чтобы доски отгрузили «под тады»... Как это будет выглядеть, она и сама не знает, но я, в её представлении, могу это «провернуть» и доставить лес в театр, где плотник всё сделает. Самое поразительное, что и я вдруг понял: сейчас, кроме меня, этого никто не сделает. А раз так, то либо я справлюсь, либо... Но никакого «либо» не должно было быть.

В училище связи меня выслушали и выделили грузовик, хотя и без всяких помощников. Прежде чем ехать, я не забыл зайти к Шатохину. Лёня сделал то, что он предложил, когда провожал меня после разговора с Шевченко: намазав палец какой-то дрянью, подрисовал мне под глазом небольшой, с жёлтым отливом, синяк.

— Разыгрывай из себя *Бывалого*, — только и сказал он.

Комкая доверенность на своё имя, я ехал за город, размышляя, как быть. «Это тебе не ваньку валять, — думал я, вспоминая историю с луком, — тут дело покруче!»

Отчаянно сигналив, грузовик въехал во двор базы, лавируя между сараями. В раскрытые окна конторы виднелись обедающие люди.

— Запихиваетесь?! — Грозно прокричал я, лихо перемахнув через борт. Размахивая бумажкой, словно каким-то сверхважным документом, сыпал по фене, не задумываясь о том, подходит ли здесь по смыслу жаргон.

Когда завбазой что-то возразил насчёт отсутствующих грузчиков, я пригрозил, что если через 20 минут кузов не будет доверху набит досками, отчитываться он будет перед самым атаманом Калединым.

— Он же помер! — перестала жевать одна из женщин.

— Да-да! — сразу построжал голос директора. — И, кажется, давно.

Я намеренно упомянул Каледина, имея в виду нового войскового атамана, избранного прошлой осенью.

— Атаман Каледин жив и помирать не собирается. Утром с ним встречался. А представился его превосходительство Антон Иванович Деникин. Вы, гражданка, не морочьте голову занятым людям, — выразительно кивнул я на завбазой.

Женщина виновато замолчала и вместо колбасы отправила в рот порезанный кружочками банан, по ошибке макнув его в горчицу.

Заведующий отошёл, заявив, что ему надо позвонить.

— Если ты ищешь начальство, то оно в городе и ждёт, когда я доставлю дрова.

— Это же форменный грабёж! — сокрушался завбазой, положив трубку. — Ни денег, ни документов, а материал отдай!

В этот момент показались двое молодых парней, и заведующий, под горячую руку отматюкав их, велел грузить лес в машину.

Когда я привёз доски в театр, Шатохин не сразу узнал меня.

— Жаль, ты себя не видишь. У тебя совсем другое выражение лица, — внимательно смотрел он.

— Так фингал же!

Но худрук серьёзно заметил, что это не фингал, а наглядное проявление актёрского мастерства в экстремальных условиях.

— Это хорошо или плохо?

— Как сказа-а-ать, — загадочно протянул Леонид. — Если не успокоишься, визит к терапевту тебе обеспечен. По себе знаю.

Как же он оказался прав!

*Скульптор
Пётр Карлович Клодт*

*Генерал-лейтенант от кавалерии,
войсковой наказной атаман,
граф Матвей Иванович Платов*

*Памятник М.И. Платову на фоне атаманского дворца
(начало XX века)*

*Генерал-адъютант
В.В. Орлов-Денисов*

*Генерал-лейтенант
Я.П. Бакланов*

*Генерал-лейтенант
И.Е. Ефремов*

*Мэр Новочеркаска
Н.И. Присяжнюк*

Демонтаж памятника Ленину (14 ноября 1992 года)

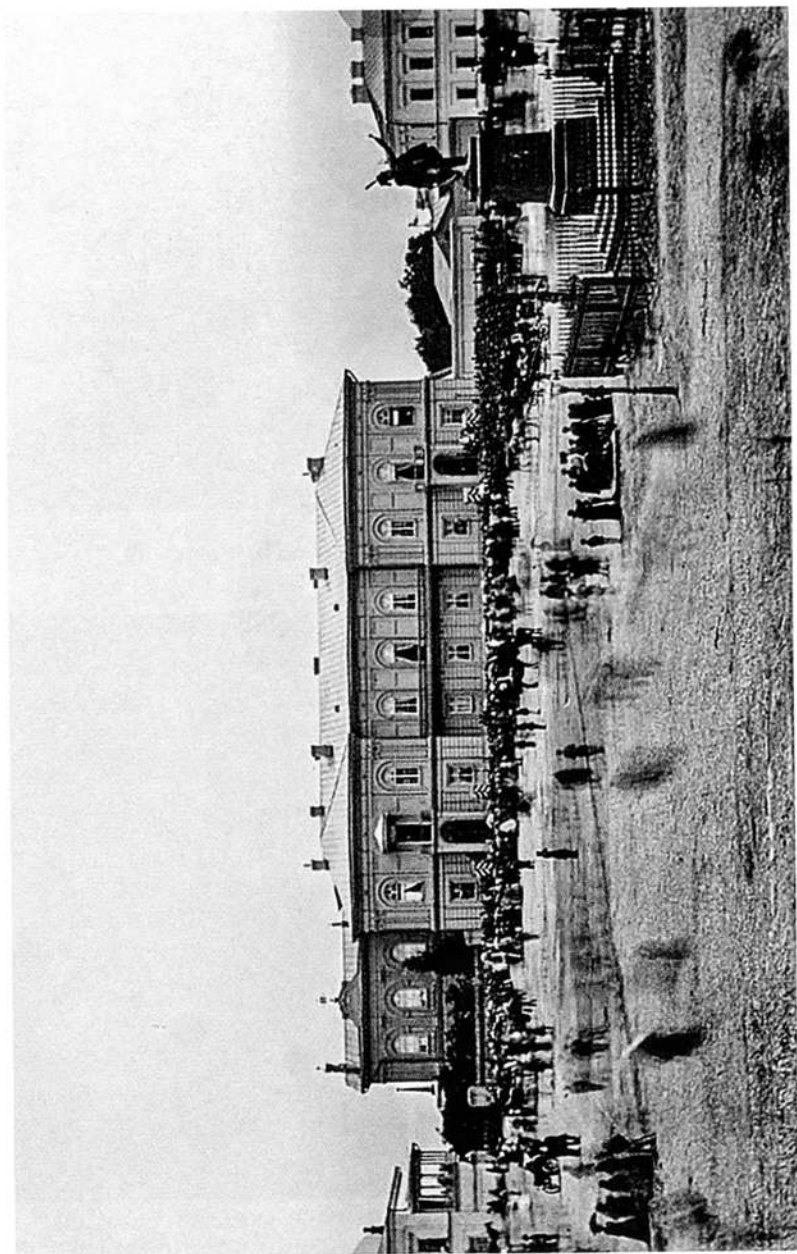
*На левом снимке: Валентина Семёновна Шевченко (вторая слева) и Леонид Иванович Шатохин (крайний справа). 16 мая 1993 года
На правом снимке: уцелевший фрагмент надгробного памятника М.И. Платову (скульптор И.П. Мартос)*

*Начало установки
памятника М.И. Платову
(апрель 1993 г.)*

Баклановский проспект в Новочеркасске. Конец XIX века

И ЗАПАХ СИРЕНИ ДУШИСТОЙ...

В день перезахоронения шёл обычный майский дождь. Особенно досаждал он выстроившимся на площади казакам и траурной процессии, медленно двигавшейся к собору. Глядя на эту процессию, я отвлёкся, вспомнив о своём недавнем приключении. Но вспомнил как-то отвлечённо, как обычно вспоминают недавно просмотренный кинофильм.

Да и отвлекаться мне особенно не пришлось. Знакомый художник из Ростова попросил хотя бы вкратце рассказать ему и коллеге из московской студии Грекова о тех, чьи останки сейчас на руках казаки заносили в соборную усыпальницу. В неё набилось полно народу, говорить было неудобно, и мы продолжили беседу уже на площади. Пропуская хорошо известную гостям биографию Платова, поведал прежде всего об Иване Ефремове. В детстве его обзывали Иван-пастушок. А этот пастушок дослужился до генерал-лейтенанта и командовал лейб-гвардии казачьим полком, снискав почёт и уважение на Дону. Орлов-Денисов тоже командовал лейб-гвардейцами. Друзья и враги величали его «Витязь на рьяном коне». Как и Платов, Василий Васильевич отличился в Бородино, Тарутино, «битве народов» под Лейпцигом. Бакланов — покоритель Кавказа — вообще человек-легенда. В историю вошли и его знаменитый удар шашкой и особый походный знак — череп на чёрном полотнище флага. Сам же Платов как

бы вобрал в себя все их качества — находчивость, смелость, мужество.

Когда мы подошли к спрятанному под покрывалом памятнику Платова, гости высказали расхожую версию, что автор первого памятника — академик Клодт, прославившийся своими конями на Аничковом мосту в Петербурге. Не без удивления они узнали, что в объявленном конкурсе на изготовление памятника победил эскиз молодого, но уже известного скульптора А.А. Иванова. Но Антон Андреевич, работая на храме Христа Спасителя, заболел крупозным воспалением лёгких и скончался на 33-м году жизни. Так подлинными создателями памятника стали (не умаляя достоинств Иванова) Николай Андреевич Токарев и Пётр Карлович Клодт, в мастерской которого и была отлита бронзовая фигура атамана.

— А место под памятник присмотрел академик Иван Вальпреде, — проявил осведомлённость грековец. — Он же проектировал атаманский дворец и какую-то церковь за Новочеркасском, связанную с именем Платова.

— Почему какую-то? — готов был обидеться я. — Храм Рождества Пресвятой Богородицы украшал имение Платова в хуторе Малый Мишкин под Новочеркасском. В церкви находилась семейная усыпальница Платовых. Да вот незадача: прах и самого Матвея Ивановича, и его родственников не раз перевозили, то в склеп возле собора, то обратно в Мишкин. Но с 1911 года он со товарищи покоится в главном храме Дона.

В этот момент я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Невольно поёжившись, предложил пройти в атаманский дворец и познакомиться со скульптором Тарасенко — он как раз приехал из Москвы.

На улице совсем распогодилось, и гостям нравилось находиться на свежем воздухе. Поглядывая в сторону

собора, они обратили внимание на неважное состояние декора наружных стен и росписей внутри храма.

И снова я пояснил: росписи этих стен 90 лет назад кому зря не доверяли. Состоялся серьёзный конкурс. Известный живописец Верещагин участвовал в нём, но потерпел неудачу. И не он один. Никаких претензий у проигравших не было. Ведь комиссия, отбиравшая претендентов и рассматривавшая проекты, была создана не абы кем, а Святейшим Синодом.

Я уже было направился с гостями к городской администрации, в те годы ещё занимавшей здание атаманского дворца, но, слегка обернувшись, узнал человека, что сверлил меня взглядом. Это был атаман хутора Малый Мишкин. Ни имени, ни фамилии его вспомнить я не мог. Не связан ли он с художниками, с которыми сейчас общаюсь? Любители живописи часто наезжают в Мишкин на пленэр.

Желая проверить свою догадку, брякнул первое, что пришло в голову:

— Мы, кстати, ждём в гости художника Овечкина.

— С Николаем Васильевичем случилось несчастье, и, к большому сожалению, приехать он не может, — печально вымолвил грековец.

Едва я распрощался со своими спутниками, как носу столкнулся с хуторским атаманом. Старую диагональную рубашку на нём прикрывал простенький серый пиджак с затёртыми карманами по бокам... Первый этаж правого крыла администрации был отдан казакам, и Мало-Мишкинский атаман часто навещался туда с одним и тем же вопросом: когда хуторскую церковь начнут восстанавливать? Отвечали ему примерно так: Малый Мишкин — Аксайский район, вот и обращайся, дядя, туда. На что пожилой человек упрямо твердил: «Если не принять меры, храм полностью разрушится, а в низах церкви — усыпальница Платовых».

— Не храм, а проходной двор! А по нужде — и отхожее место. Прах родичей Платовых я оттуда вынес и перепрятал в другое место.

Как-то, повторяя это в десятый раз, он взглянул на меня. Спустя время на мой запрос пришёл ответ из областной епархии, что на учёте в тамошнем ведомстве храм не состоит. Аксайский архитектор сообщил, что в 1973 году церковь взяли под охрану как памятник местного значения. Но решением Малого Совета Ростовского облсовета народных депутатов вот-вот получит статус областного. Всё верно. Под это решение Малого Совета попало много объектов Новочеркасска, и в конце 92-го оно было утверждено. Но скептицизм атамана не уменьшился. Присвой церкви хоть статус мирового значения — ничего не изменится. И дело не в отсутствии финансов, а в нежелании заниматься храмом.

В прошлом году он хотя бы разговаривал на эту тему в присутствии людей, а сейчас был со мною наедине. И взгляд его становился всё строже и пытливей.

— Вы к войсковому атаману обращались?

— А то! — усмехнулся хуторянин. — Каледин мне даже ничего не пообещал. Как и атаман Черкасского округа. В Аксае единственное, что сделали — позвонили в сельсовет, чтобы в церкви провели субботник.

— Провели? — спросил я и понял бессмысленность своих вопросов.

Атаман лишь махнул рукой и присел на сырую после дождя скамейку. Мимо торопливо прошагал начальник Горжилэксплуатации, у которого накануне я брал доверенность, когда ехал за лесом, носились на великах пацаны. Со стороны парка подъехала уборочная машина. На площади устанавливали сцену. Город готовился к заветрашнему празднику.

— Понимаешь, какая закавыка, — снова заговорил хуторянин. — Территориальная принадлежность здесь

ни при чём. Платов у нас един. А получается, тут его перезахоронили, а там, — кивнул он, надо полагать, в сторону Мишкина, — какой год я чьи-то косточки храню. У вас в Новочеркасске торжество, а у меня в душе траур. — И, помолчав, горестно выдохнул. — Белый свет коптит мне осталось недолго. Знал бы ты, как не хочется уходить с камнем на сердце!

Чувствуя большую неловкость, я порывисто сказал, встав со скамейки:

— Вы вот что, постарайтесь к завтрашнему дню подготовить бумагу для Каледина. Я найду время отдать ему ваше письмо.

— Завтра? В праздничный день? Куда ему отвлекаться! Видно, удел наш таков, ждать неведомо чего. Я уж как-нибудь потом...

Он хотел ещё что-то сказать, но, к моему облегчению, его окликнула деревенская по виду женщина. Попрощавшись, он медленно пошёл с ней в сторону Платовского проспекта.

...Ночью я совсем не спал. Быть может, забывался на минуту-другую, но не больше. Этот хуторянин... Он никак не исчезал из моих глаз и всё время укорял и укорял. Его возмущение было справедливым. Но думал я и о другом. Неважно, в каком месте поставлен памятник Платову и в каком виде. В любом случае он *назначен*. И эту команду сверху необходимо исполнять. Какая-то церковь на отшибе, хоть и связанная с именем виновника торжества, отношения к делу не имеет. Попробуй заикнись о ней, тебе же и напомним: а ты лично, такой-сякой, в какие инстанции обращался? Почему не привёз в Мишкин какого-нибудь «важняка»? Почему не писал красочно, как ты можешь, в областные и центральные газеты?

И я всё больше сникал под градом не имеющих ответа вопросов. Действительно, кому сейчас всё это

нужно? Ложка дорога к обеду. Разве «Есаул» Газманова был бы к месту в 70-е? Или «Андреевский флаг» Вики Цыгановой? А два-три года назад и «Флаг», и «Есаул» оказались востребованными. Да ещё какими востребованными! А что имеем мы? Пять лет длилась *бодяга* с памятником Плотову, и за это время никто не предложил хоть как-то обустроить церковь с усыпальницей или хотя бы включить их в какой-нибудь план мероприятий, связанный с открытием памятника. Как было бы к месту! Само же напрашивалось. А может, кто и предлагал. Может, бился человек в стену, как мой беспокойный хуторянин.

«Как я с ним разговаривал? Словно какой-то чинуша среднего пошиба, — готов был я растерзать себя. — Чинуша, привыкший юлить, отнекиваться да отфутболивать куда подальше надоедливых посетителей».

Я мучился, не пытаясь даже заступиться сам за себя. Единственное, в чём я себя не винил — что в 1988-м помощники человека, *последним* принимающего решение по памятнику в Новочеркасске, не знали «всех обстоятельств дела». Одним словом, сплеховали ребята. Понадеялись на тех, что «на местах». Да не прокатило.

«Прокатило-покатило-осенило, — усмехнулся я, отмечая быстро наступивший рассвет. — Поздно тебя, брат, осенило».

Стараясь успокоиться, вспомнил, как два года назад так же изводил себя, когда работал над ключевой главой повести «Комендантский час». Кровавая суббота в июне 62-го была тогда темой номер один. У каждого было своё мнение. Но я делал так, как считал нужным. Одного из главных персонажей повести, Вертоусова, заставил ночь напролёт размышлять, как вести себя перед разговором с директором школы. Я сидел до утра, то перечёркивая написанное, то вставляя что-то новое. Мой герой, собираясь на важное «рандеву», взял с собой

комсомольский билет, пафосно возомнив себя посланцем от всей комсомолии. А завершилось всё тем, что Сергей вывел из себя сухаря-директора, оставив тому на память свой билет. Вот и я, вяло прихлёбывая утренний чай, рассуждал, что бы мне тоже взять с собой для поднятия настроения. Комсомольского билета у меня не было. После новочеркасских событий 62-го в комсомол я так и не вступил, избегая, по совету отца, всяких объяснений.

...Нет, не получилось у меня «стать таким, как я хочу». Чем ближе я подходил к центру города, встречая нарядных людей, тем всё сильнее охватывало меня необъяснимое чувство вины. Впрочем, такое уж необъяснимое?.. Как и ожидалось, народу возле памятника — тьма-тьмушая. Рабочей группе отвели место слева от памятника, между оградой и густыми кустами самшита. За эти годы группа увеличилась настолько, что некоторых я видел впервые. Чуть в сторонке стоял Вильям Куинджи, художник и лермонтовед. Не успел я подумать, почему он «отбивается от коллектива», как Куинджи знаком подозвал меня к себе.

— Володя, вы плохо выглядите, — тихо сказал Вильям Константинович, всегда отличающийся наблюдательностью.

— Что, так заметно?

— У меня с собой лекарство от сердца и головы.

— Кто бы придумал таблетки от душевных переживаний!

Ветер задирает складки покрывала на монументе. Возле него уже толпились делегаты разных казачьих войск. Мелькали седые бороды стариков, бурки, папахи и газыри. А вот и руководство области. Рядом с ними мэр Новочеркасска. Военный оркестр громко заиграл марш, и на площадь с развёрнутыми знамёнами вступили казачьи колонны. Как только казаки выстроились в каре

перед памятником, Н.И. Присяжнюк на правах принимающей стороны открыл митинг. Следом взял слово председатель облсовета А.В. Попов. Но что он говорил, я уже не слышал — настолько вдруг зашумело в голове. Я вцепился в сильное плечо Вильяма (он десять раз выжимает двухпудовку), стараясь держаться прямо. В такой позе я и стоял, когда с изваяния Платова спало покрывало и заиграл гимн. После его исполнения казаки дружно грянули: «С нами Бог и Андреевский флаг!». Им рукоплескали, как аплодировали затем и губернатору В.Ф. Чубу, атаману В.И. Каледину, скульптору А.В. Тарасенко, сменяющим друг друга у микрофона.

И вдруг, когда казаки пошли парадным строем, я ощутил упоительный запах. Он доносился с другой стороны памятника. Не выдержав, я двинулся на этот живительный аромат. Это была цвстущая сирень. Может, из-за прошедшего накануне дождя или оттого, что нет-нет, да проглядывало солнце, она необыкновенно распахлась. «И запах сирени душистой» — промелькнуло у меня. Из какого это романса? Или строчка из неизвестного стихотворения? Когда-то, может, слышал, а теперь случайно вспомнил. Хотя ничего случайного в этой жизни нет.

В одиночестве я недолго пребывал. С участливым видом подошёл Александров, посетовал на то, что меня не было, когда делали групповое фото.

— Михалыч, как же мы с тобой всё промухали! — с ожесточением вымолвил я и, сбиваясь, изложил ему причины своих терзаний.

— Вы себя напрасно изводите. Напрасно, — твёрдо не сказал, а отчеканил Александров, впервые в общении со мной перейдя на «вы». — Нельзя по каждому поводу себя казнить. Вас надолго не хватит, а вы ещё нужны, вам ещё работать и работать... Сейчас померяете давление и, если надо, вам сделают укол. Отдохнёте — приходите вечером на банкет. Вас ждут.

В этот момент подбежала незнакомая девчушка и вручила нам каждому по маленькой гвоздичке.

— А пахнет всё равно сиренью.

Но девчушка уже раздавала гвоздики другой компании. Я узнал грековца и ростовского художника. Рядом с ними был ещё один мужчина, постарше возрастом.

— Вы знакомы? — спросил меня Александров, когда компания поравнялась с нами. И сам же представил незнакомца: — Это Анатолий Скнарин, скульптор.

— Как же, знаем, пароль «Тачанка», отзыв — «Ростовчанка», — выпалил я, имея в виду известные работы Скнарина.

— У Андреича таких паролей столько, что...

— ...Хватит на всех подпольщиков, — не дал я договорить грековцу.

Они заулыбались. Да и настроение у них, судя по всему, соответствовало событию. Самое время было продолжить общение, тем более что неподалёку я увидел и Солнышкина. Но после короткого всплеска силы снова покинули меня. Понимая, что поступаю не совсем вежливо, сослался на занятость.

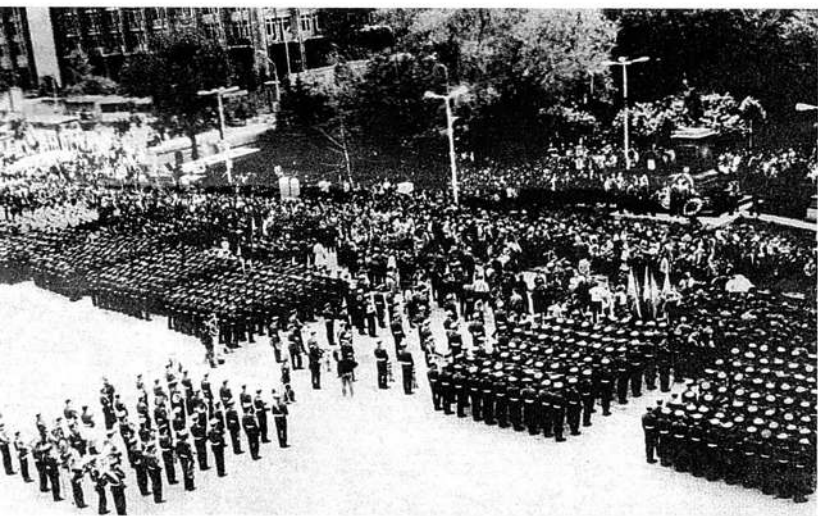
На площади всюду гремела музыка, люди фотографировались и возлагали цветы к памятнику. Праздник был в разгаре. Но я, следуя совету Александрова, направился на другую сторону Платовского проспекта, где находилась аптека.

Не знал и не догадывался я тогда, что причина моего внезапного недомогания и есть начало новой истории...

Перезахоронение: вверху — перед собором, внизу — в усыпальнице

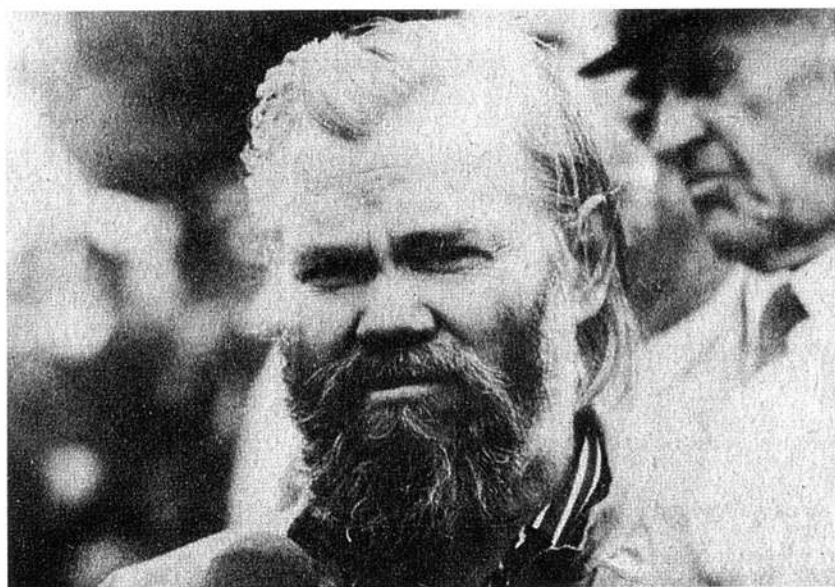
16 мая 1993 года. Казаки в каре

*Войсковой атаман В.И. Каледин (в центре) и кошевой атаман
П.А. Барышников (третий слева)*

*Открытие памятника
Платову*

А.В. Тарасенко и В.М. Александров

Та самая сирень...

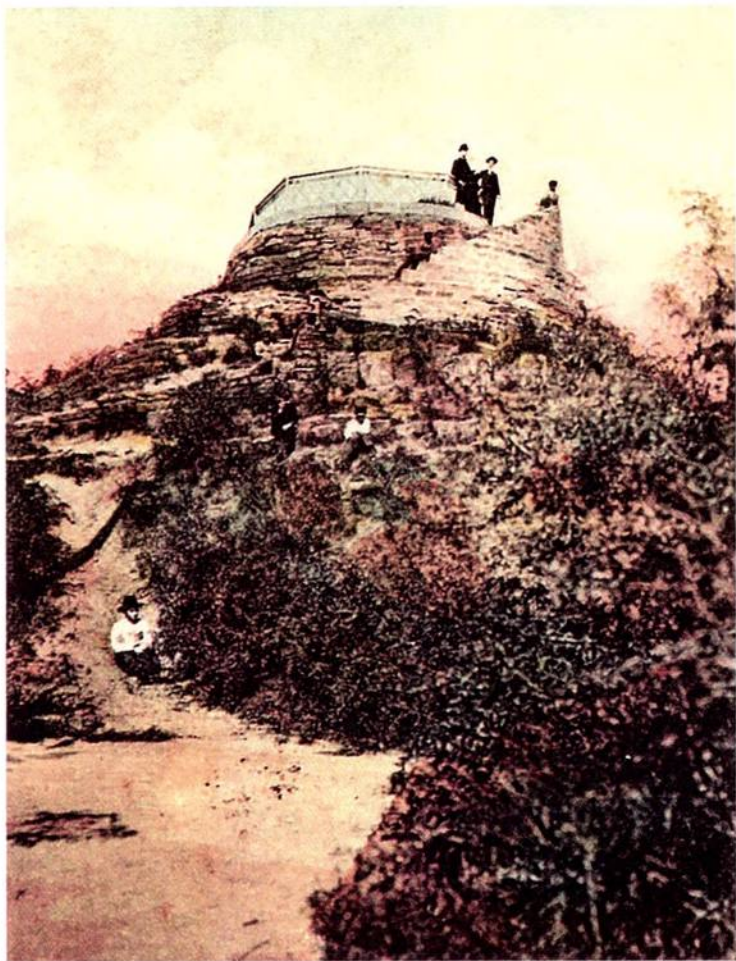

Парад казачьих формирований.

Новочеркасские кадены

*Александровский сад.
Смотровая площадка на кургане (не уцелела)*

Новочеркасск. Конец XIX столетия Вид с кургана Александровского сада

«МЫ ПРИШЛИ К ПРИМИРЕНИЮ И СОГЛАСИЮ»

Чем мне нравится режиссёр Александров, так тем, что в искромётном фильме «Весёлые ребята» использовал элементы мультипликации. Легко, просто и для населения того времени вполне доходчиво. Особенно когда не указаны даты каких-либо событий. Для развития же нашей новой истории это необходимо сделать. Поэтому давайте попробуем.

Итак: 1995-й. Открытие в Новочеркасске восстановленного памятника Я.П. Бакланову (утраченные элементы памятника восстановил скульптор А.В. Тарасенко. Реставрация постамента выполнена под руководством Н.Н. Красулина)... Создание Фонда возрождения Вознесенского собора.

1996-й. Посещение Б.Н. Ельциным Вознесенского собора в Новочеркасске.

1999-й. Депутаты Госдумы второго созыва включили в план государственного бюджета на 2000-й год финансирование работ на Новочеркасском Вознесенском соборе.

С началом реставрационных работ на соборе колесница времени побежала ещё стремительней, и мы искусственно замедляем её ход году этак в 2003-м. Снова тема казачества, снова Платов — на этот раз его 250-летие. И, конечно, первый Всемирный Конгресс казачества.

Конгресс — это не только прибытие гостей отовсюду, в том числе из-за океана и с «зелёного континента»,

не только фестивали, выставки и представительная научно-практическая конференция. Самое главное — на конгрессе будут приниматься важные решения, возможно, в том числе и по Мало-Мишкинскому комплексу.

За прошедшие десять лет он ещё больше пришёл в упадок. Старый хуторской атаман уже скончался, а его больной сын в этом деле был плохим помощником. Выход был один — браться за восстановление храма с усыпальницей сообща. Примером могла стать реставрация войскового Вознесенского собора. То были полные драматизма события. По существу, открытая война между группой новочеркасцев, входящей в областной координационный совет, и региональным министерством культуры, выступающим в качестве заказчика работ. В конце концов губернатор возложил обязанности заказчика на министерство строительства Ростовской области в лице «Ростовоблстройзаказчика». Подрядчиком стал Ростовский строительный дом — на тот момент солидная организация. В своей книге «Идущие по мосту» я подробно всё это описал. Занимаясь выбиванием бюджетных средств, вашему покорному слуге, помимо федерального Министерства культуры, пришлось побывать в Управлении по делам казачества при президенте РФ, в Аппарате Правительства, в Госдуме и в Минфине. В 2000-м из федерального бюджета на ремонт здания Новочеркасского собора перечислили семь миллионов рублей. Мы получили бесценный опыт, которым нужно было обязательно воспользоваться. Это и посоветовал сделать директор «Агрозем-инвеста», казачий полковник П.С. Косов, встретившийся со мной и председателем Ростовского областного отделения ВООПиК А.О. Кожиним. Пётр Севастьянович предложил использовать свою организацию в качестве площадки, где было удобно общаться

с представителями различных ведомств и готовить нужные письма и обращения по поводу Мало-Мишкинского комплекса. Многих особенно коробило нахождение возле него психоневрологической больницы для спецконтингента. От имени атаманов всех округов ВКО ВВД и депутатов разных уровней письма были разосланы во все стороны света. Это сыграло свою роль. Губернатор дал поручение Министерству строительства заняться Малым Мишкиным. В свою очередь, делегаты Конгресса наряду с прочими вопросами решили обратиться к президенту РФ *«о выделении средств для воссоздания фамильного имения и усыпальницы Платовых в Ростовской области»*.

Но радоваться было рано. Всё только начиналось.

Специалисты областного Минстроя предложили до конца 2003-го разработать проектную документацию только на первоочередные работы, а уже в следующем году — на все последующие. Звучало заманчиво. В 2004 году можно было совмещать разработку проектных работ с самыми неотложными. Имелось в виду усиление фундамента, что предотвратило бы дальнейшее разрушение храма. Однако финансового сопровождения все эти проекты не получили. В то же время в областных мероприятиях по поддержке казачества на 2004 год Мишкинский объект занимал первую строчку. Два миллиона рублей предназначались на проектные и изыскательские работы.

Пессимисты, утверждающие, что на развалины ничего не выделяют, было приуныли, но вскоре снова воспрянули. Мишкинский храм, как и часовню на Монастырском урочище под Старочеркасском, без объяснений исключили из списка культовых сооружений, подлежащих ремонту в 2004 году. Их определили в так называемый «резерв губернатора».

«А что же Всемирный Конгресс казачества? — спросит читатель. — Ведь на этом представительском форуме всё-таки затронули тему состояния загородного имения Вихорь-атамана». Для большей ясности надо немного вернуться назад... К юбилею Платова наметили установить бюсты Матвея Ивановича работы скульптора Скнарина. Но на родине легендарного атамана должен был стоять конный памятник. И если 1 июля в Старочеркасске ещё делали обмеры на майдане для будущего памятника, то уже на другой день заместитель Водолацкого сообщил мне, что 4 июля у нас в Новочеркасске состоится большое планёрное совещание. Вопрос один: изготовление постамента и установка на нём конного памятника Платову. Открытие памятника состоится на другой день после Конгресса, то есть 23 августа. Сроки донельзя сжатые. Всё стало понятно. Многочисленным гостям надо продемонстрировать размах. И не только площади Ермака, но и самого праздничного действа.

Место было выбрано удачно. В створе аллеи Платовского проспекта. Да, Платова Скнарин изваял изящно. И не его вина, что по размерам памятник несколько мелковат для простора площади. Но на планёрке об этом никто не заикнулся. Надо сказать, она была идеально подготовлена. Присутствовали все до единой службы «жизнеобеспечения». За углом даже стояла (так хотелось думать) карета Скорой помощи. Мэр Волков в таких случаях часто производил впечатление сурового *каменного гостя*: крепко сжатые губы, пристально неотрывный взгляд. Да и задачи он ставил тоном приказа: ответственный такой-то, срок выполнения тогда-то, доложить лично.

Расхожий штамп советских времён «самый жаркий месяц» действительно пришёлся на июль. Нет, по температуре он был вполне комфортным, а так

всем специалистам ни днём, ни ночью не было покоя. На главной городской улице шло массовое обновление фасадов зданий. Каждое второе здание являлось памятником истории и культуры. Так что и мне некогда было глянуть в гору. Активно готовилось к Конгрессу и казачество. Поэтому в отношении Мишкина получилась некая пауза. Применительно к театру это была не знаменитая мхатовская пауза, а больше ленкомовская, учитывая её затянутость. Поэтому в отношении Малого Мишкина *простой* был вынужденный.

Что мне не понравилось в отлаженной и продуманной работе Конгресса, так это несчётные приветствия гостей. Большинство выступающих повторялись, хотя и трогали своей искренностью. Зато доклад В.П. Водолацкого был краток и выразителен. «Новый век, век прогресса, не оставляет нам выбора: либо казачество обновится, либо останется лишь в памяти прошлого. Как гласит народная мудрость, «Слава донцов — от предков отцов».

Очень точным по смыслу стало выступление атамана Новочеркасского округа А.П. Волкова. Анатолий Панфилович справедливо указал, что Новочеркасск был сознательно превращён в пролетарский город, «перенасыщенный промышленными предприятиями, в результате чего сегодня мы имеем статус города с чрезвычайной экологической ситуацией». В то же время он поставил перед казаками два вопроса: есть ли общая идея у казачества и как ведётся работа с молодёжью.

Вкратце о научно-практической конференции. На неё приехали учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, ближнего зарубежья. Открыли конференцию представитель президента РФ по делам казачества Г.Н. Трошев и глава Всемирного русского центра в Австралии А.В. Шахматов. В их выступлениях

подчёркивалось, что юбилей Платова не только дань прошлому, но и основание для обсуждения проблем возрождения казачества, надежда на помощь учёных и специалистов в разработке нового закона о казачестве Российской Федерации.

Среди тех, что представили свои доклады, были и новочеркасцы — профессора НПИ А.П. Скорик и А.А. Данцев. Запомнились и сотрудницы Музея донского казачества С.П. Чибисова и Л.В. Крайсветная.

В перерыве я встретил скульптора Скнарина. Анатолий Андреевич был несколько озабочен. Ещё утром ветром сдуло покрывало с памятника, и он только сейчас отыскивал тех, что смогут закрыть как следует и всадника, и коня.

— Спасибо, что беспокоитесь о Рождественской церкви и усыпальнице. Вы душевно написали в областных газетах. Мы с Петром Севастьяновичем обсуждали, когда он меня первый раз привёз в Малый Мишкин.

— Однако мне непонятно, почему потомки Платова пожертвовали своё имение церкви. Ведь разрешение на то, чтобы перенести прах из склепа возле собора в Мишкинскую усыпальницу, они бы и так получили. Хотя, подозреваю, нам известны не все обстоятельства.

— Владимир Николаевич, в любом случае церковь надо восстанавливать и делать в ней небольшой музей, посвящённый участию донских казаков в Отечественной войне 1812 года.

Мы прохаживались по Атаманской улице, между бывшим зданием Мариинской женской гимназии и Музеем донского казачества. Я заметил, как Анатолий Андреевич слегка нахмурился, когда взглянул на памятник Деволана, недавно установленный как раз напротив музея.

— Вам, конечно, он тоже не нравится? — утверждающе спросил Скнарин, когда мы вышли на аллею

ведущую к собору. — Но я не сторонник обсуждать работы своих коллег. Быть может, Деволан кому-то видится именно таким. У художника своё представление о той или иной исторической личности.

Скнарин помолчал и, видимо, желая сменить тему, показал на двухколонный портик городской гауптвахты.

— Типичный классицизм. Видите, как скромно оформлены колонны? Либо дорический, либо ионический ордер. Мне отсюда не совсем хорошо видно. Платов особенно тяготел к дорическому. Как наиболее простому, без вычурности. Да и в живописи он искал простоту. Сам признавал, что ему нравится портрет сестёр Гагариных.

— Кажется, работы Боровиковского? — вспомнил я один из залов Третьяковки.

— Он самый. Казалось бы, Платов — вояка, рубака, с малых лет в седле, а художественный вкус имел.

Мальчишки сновали возле по-прежнему раскрытого памятника. Из проезжающих мимо автобусов удивленно смотрели пассажиры. Как, впрочем, и водители, выезжающие с площади Ермака на проспект Платова. Анатолий Андреевич спокойно отнёсся к тому, что происходит. Какая разница, днём раньше или днём позже увидят его работу.

— Можете мне не верить, но на изучение биографии Платова и его родословной я потратил времени гораздо больше, чем на создание самого памятника.

Зная о серьёзном отношении скульптора к своим работам, я несколько не удивился его дальнейшим откровениям:

— Прежде чем сделать первый набросок, продумал всё до мелочей, соотнося с характером атамана. Потом лепил эскизы. Сделал 23 варианта. Выбрал тот, что значился под четвёртым номером. Долго добивался

портретного сходства. И так изо дня в день, пока глина не *ожила*. — Охватив взглядом монумент, он как-то отрешённо, будто не мне, а самому себе, добавил: — Скульптура только тогда вызывает отклик в душах людей, когда нашла к ним дорогу.

Я вспомнил рассказ Кожина о том, как Анатолий Андреевич работал над памятником Платова, как глубоко он вникал в образ атамана, перечитывая художественную и историческую литературу, знакомясь с другими материалами. Он словно вошёл в жизнь своего героя с момента рождения до самой смерти. А уж как гордился, когда понял, что главный памятник его жизни получился!

Эта гордость и сейчас на мгновение застыла на лице скульптора, не замечающего, как двое рослых курсантов, встав на стремянку, бережно закрывают до поры до времени бронзового атамана, снявшего свой головной убор. В памятнике Скнураин постарался выразить глубокую скорбь Платова о казаках, павших на поле брани.

Как и ожидалось, открытие конного памятника прошло замечательно. Были и речи официальных лиц, и впечатляющий парад, и даже стрельба из короткоствольных пушек. Ещё не развеялся дымок после выстрелов, а я понял, что пауза закончилась и пора приступить к делу.

С осени до весны события на «Мало-Мишкинском фронте» развивались стремительно. Последовала новая порция обращений, теперь уже не только от вновь избранных депутатов Государственной Думы, но и от Никиты Михалкова и Анатолия Калинина. К письмам этих известных деятелей культуры и литературы я имел непосредственное отношение, но подробности необязательны. Главное ведь — результат! А он не замедлил.

После майских праздников 2004 года к церкви на машине с проблесковым маячком подъехал губернатор В.Ф. Чуб. Его уже дожидался заместитель по социальным вопросам А.И. Бедрик, который, надо сказать, объективно отнёсся к проблеме храма. Однако Владимир Фёдорович, делая утомительный вояж по Аксайскому району, не сразу разобрался, что к чему, но после конкретного разговора, прерываемого назойливыми вопросами хуторянок, сам предложил пройти в усыпальницу. Как ни странно, в почти тёмном подвале Чуб ориентировался лучше, чем при дневном свете. Во всяком случае, когда мы покинули место бывшей усыпальницы, он негромко отдал распоряжение Бедрику о начале финансирования. Осенью приступили к консервации храма. И тогда же Мало-Мишкинский комплекс, как и две церкви в Старочеркасске (Ратнинская и Петровпавловская) вошли в план работ на 2005 год.

Но 2005-й — год особенный. 200-летие Новочеркаска. А значит, опять чествование Платова, опять Конгресс, приём гостей, и, конечно, открытие нового памятника. На этот раз Скарин представил тоже серьёзную работу, названную им «Примирение и согласие». Памятник понравился Великой княгине, главе российского императорского дома Марии Владимировне. В центре памятника — крест. Мать-казачка и мальчик-кадет, который несёт цветы к могиле казаков — и красных, и белых. На одном из пилонов — карабин с будёновкой, на другом — башлык, офицерская фуражка и неременная шашка. На мемориальной доске начертано: «Во имя настоящего и будущего казачества. Мы пришли к примирению и согласию».

...Прошло несколько лет. Храм в Малом Мишкине худо-бедно восстановили. Летом 2009 года состоялось

первое богослужение. Однако останки так и не были найдены и, соответственно, не захоронены. Могилы попросту забетонировали и покрыли плиткой. Не был открыт и музей 1812 года. Церковь числится за Музеем донского казачества, а службу отправляют клирики храма Александра Невского славного города Новочеркасска. Но точку в этой истории ставить рано, тем более состояние наружных стен храма сейчас таково, что в пору снова начинать ремонт.

Однажды ко мне пожаловал краевед со списком членов семьи Платовых, покоившихся ранее в склепе при церкви. Ничего нового я не услышал, кроме того, что двое сыновей Платова — Матвей Матвеевич и Иван Матвеевич — отличились во время Отечественной войны 1812 года, и за боевые заслуги им были присвоены звания соответственно генерал-майора и полковника. Следовательно, храм не потерял своего значения как мемориал. А раз так, — настаивал гость, — в нём никогда не поздно открыть музей Славы донского казачества, участвовавшего в войне с Наполеоном.

Сам краевед — родом из Кочетовской, и как-то видел меня с писателем Закруткиным, жившим в этой старинной казачьей станице. Так вот, краевед утверждал, что когда-то по пути в станицу Константиновскую Платов заехал в Кочетовскую на место, где был готов фундамент под будущую каменную церковь. Ознакомившись с планом, атаман начертал новый, с колоннами какого-то ордера.

— Всё ясно, — твёрдо ответил я, получив ещё одно подтверждение любви Платова к дорическому ордеру.

Но гость пришел не только с этой вестью. «Платову, — уходя сообщил он, — нравилось любоваться на восходящую луну. Он даже сердился на приближённых, что те не могли отыскать подходящее сравнение». Я это запомнил.

И вот недавно, знакомясь с рукописью одного автора, прочитал, как Платов поднимается в экипаже из своего имения в гору. Что за надобность была у Платова ехать в потёмках в Новочеркасск, я не понял. Но понял, что из-за горизонта в этот момент показалась луна. Узнав из текста, что было полнолуние, я на полях рукописи, не задумываясь, дописал: «с каждой минутой всё ярче светил на небе оранжевый **абрикос** восходящей луны».

Понравилось бы это сравнение атаману Платову, узнать мне уже не суждено...

*Владимир Конюхов, март — апрель 2023 года.
Новочеркасск-Ростов/Дон.*

Август 2003-го. Установка конного памятника Платову

23 августа 2003 года. Платов на коне

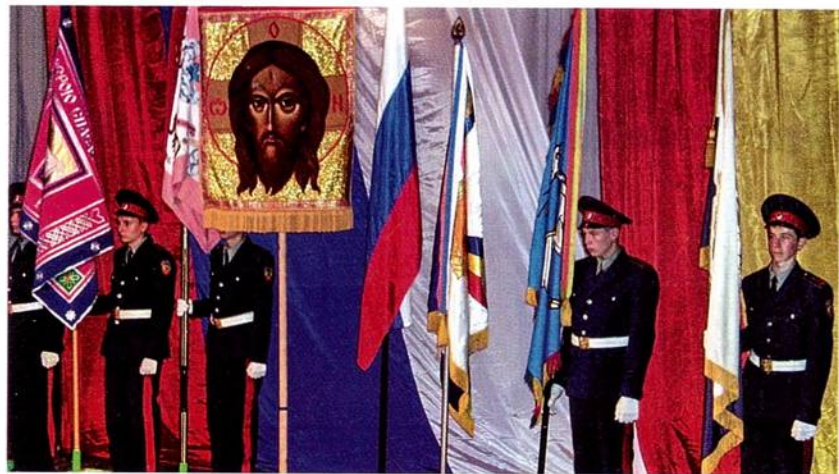
Анатолий Андреевич Скарин за работой...

...И с друзьями

Президиум первого Всемирного Конгресса казаков

Группа знаменосцев

Новочеркасск, 23 августа 2003 года. Всё внимание на парад!

Взгляд с высокой трибуны

Генералы А.В. Пониделко и А.П. Волков

Парад казачьих войск

Май 2004 года. Малый Мишкин.

Серьёзный разговор с губернатором возле храма...

Слева направо: В.Ф. Чуб, А.И. Бедрик, В.Н. Конюхов, П.С. Косов

*...И в усыпальнице. Слева направо: В.Ф. Чуб, В.Н. Конюхов,
глава Мишкинской администрации С.П. Бузинов, А.И. Бедрик*

Сентябрь 2005 года. Новочеркасск празднует своё 200-летие

Памятник «Примирение и согласие»

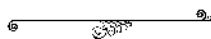

*2010-й год. Хутор Малый Мишкин. Церковь Рождества
Пресвятой Богородицы после восстановительных работ*

*Новочеркасск. Последняя четверть XIX столетия.
Умилительная картина прошлого*

СОДЕРЖАНИЕ

Снегурочка	6
Возвращение	17
И запах сирени душистой... ..	33
«Мы пришли к примирению и согласию»	50

Конюхов Владимир Николаевич

ПЛАТОВ. ЛЮБОВЬ К ДОРИЧЕСКОМУ ОРДЕРУ

Сберегая наследие «вихорь-атамана».
Записки очевидца

В книге представлены фотографии из частных коллекций,
а также А. Склярова, Ю. Ермолаева, Е. Кирсанова, Е. Халдаева

Подписано в печать 03.05.2023 г.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5,2.
Заказ № 13. Тираж 500 экз.

ООО «Донской издательский дом».
344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170/84.
Тел.: 8(863) 280-88-78, 8-928-214-22-88
e-mail: donidom@mail.ru.